

„Экономика переходного периода.“

По выходе в свет книги Н. Бухарина «Экономика переходного периода» на нее было обращено совсем мало внимания. Кроме трех-четырёх рецензий, в мелких и центральных газетах, о ней ничего не было сказано до самого последнего времени.

В последнее время о ней заговорили снова: явился ряд статей в «Красной Нове», в некоторых провинциальных газетах, ее стали касаться в докладах и дискуссиях.

И «Экономика переходного периода» по нашему мнению этого вполне заслуживает. Если оценить ее значение с точки зрения развития марксистской теории в политической экономии, то после «Капитала» Маркса, ее следует поставить на первое место.

В настоящее время едва ли даже возможно дать ей вполне объективную оценку лишь тогда, когда мировой коммунистической революцией начнется основательно подрывать основы капиталистической Европы и Америки, лишь тогда в полной мере выявится вся важность тех теоретических положений, которые выдвинуты в «Экономике переходного периода».

Книга ценна уже по одному тому, что она от начала до конца написана с блестящим применением метода диалектического материализма.

На «Экономике переходного периода» еще раз доказана чрезвычайная плодотворность марксистских приемов исследования явления экономической и социальной жизни.

«Экономика переходного периода» должна стать такой же настольной книгой каждого марксиста, какими стали произведения Маркса, Энгельса, Ленина и частью Плеханова.

Именно поэтому мы и считаем необходимым остановиться на ней внимание широких партийных масс.

Первая глава книги посвящается структуре мирового капиталистического хозяйства. Сущность структуры мирового капитализма Бухарин находит в том, что субъектами хозяйства выступают коллективно-капиталистические организации, государство-капиталистические «тресты». Дальше автор «Экономики переходного периода» останавливается на конкурентной борьбе. И здесь уже он вносит свое новое, чего мы не встретим ни у Маркса, ни у Гильфердинга, ни у кайзерского социалиста Зомбарта, ни у других выдающихся экономистов.

Бухарин устанавливает следующие формы конкурентной борьбы: конкуренцию горизонтальную — конкуренцию вертикальную, и конкуренцию комбинированную. Под первой автор разумеет конкуренцию между однородными предприятиями, под вторую конкуренцию между разнородными предприятиями и под третью борьбу капиталистических трестов и целых государств — капиталистических объединений между собой. Останавливаясь на последней, Бухарин пишет: «Переход к системе финансового капитализма все время усиливает процесс превращения простейшей рыночной конкуренции в конкуренцию служебную... Типу конкуренции соот-

ветствует и метод борьбы. Вертикальной и слесной конкуренции соответствуют методы непосредственного господства и угнетения». «Здесь лежит основной корень империализма» (стр. 15). Империалистические войны, таким образом, оказываются ничем иным, как выражением сложной конкуренции. Они в лучшем случае формулируют чисто экономическое выражение и тенденцию. Их сокровенный смысл содержания и неустойчивость ставит их до основания на зыбком и непостоянном.

Но этого мало. Если Маркс нам дал законы кругообращения капитала, то Бухарин формирует закон империалистической войны. «Война», говорит он, есть следствие восприятия в тех или иных войнах отношений, на основе которых она возникает (стр. 24), именно закон, впервые формулированный Бухариным.

Некоторые могут сказать, что все это известно было уже каждому марксисту и до Бухарина. Но ведь и классовая борьба была известна, описывалась до Маркса. Однако же теорию классовой борьбы создал Маркс. Точно также и по вопросу об империалистических войнах даже самые лучшие марксистские произведения: «Финансовый капитал» Гильфердинга (тогда он был еще лучший), «Империализм как новейший этап капитализма» Ленина — по существу только собирали материал для формулировки закона. Самый же закон точно вырван и научно «кристаллизован» Бухариным.

Глубже, чем это делали исследователи структуры финансового капитала раньше, затронув Бухариным и вопрос о «сращивании» финансового капитала с государственным капиталом. По этому вопросу мы в «Экономике переходного периода» читаем следующее: «Так как вклады представляют в значительной степени периодически высвобождающийся капитал, то их организацию, размещение, государственными банком означает фактическое подчинение промышленности государственному банку и трансформацию предпринимательской прибыли в проценты выплачиваемые этим банком.

Следовательно и этим путем капиталистические производственные отношения превращаются в государственно-капиталистические, а различные виды капиталистического дохода нивелируются, превращаясь в своеобразный «дивиденд», выплачиваемый единым коллективно-капиталистическим предприятием, едким и акционерной кампаней, трестом, каковым является империалистическое государство (стр. 32).

У Маркса мы находим гениальный анализ капиталистической системы в период развития и гегемонии промышленного капитала.

Гильфердинг в своем «Финансовом капитале» дал марксистское последовательное превращение промышленного капитала в финансовый и картину господства последнего. Бухарин дает нам ясный набросок дальнейшей метаморфозы финансового капитала в «государственно-финансовый капитализм». В этой кар-

В последнюю минуту.

РИМ, 30 декабря. Подписанный сегодня ночью королевский декрет о моратории, предоставляющий всем банкам, капитал и не ниже 5 миллионов рублей, право на приостановку платежей кредитным клиентам, уже опубликован. Исключительный закон вызван целым рядом тревожных явлений в банковских и финансовых кругах страны. Крупнейший банк «Банка Италия» — «Дисонт» закрыл свои кассы кредиторам в преддверии постановлений суда.

В деловом мире это событие вызвало сильную панику, ожидается новые крахи. (Рост).

РИМ, 30 декабря. В связи с финансовым кризисом в Италии, издав декрет, предоставляющий банкам право приостановить платежи кредитным клиентам, итальянский банк «Итальянский дисконтный банк» охраняется полицией и войсками. Банк окружен толпами вкладчиков, то же самое происходит и в других банках. В деловом мире сильная паника ввиду ожидания новых крахов. (Радио — Сибирь).

Исполкомы Коминтерна и Профинтерна обратились с воззванием к рабочим всех стран, в котором, останавливаясь на современной ситуации в капиталистических странах и политике соглашательства, призывают всех к единому рабочему фронту. В воззвании сообщается, что 19 февраля 1923 года состоится расширенное заседание Исполкома Коминтерна, на которое приглашены представители всех коммунистических партий в удвоенном количестве.

По сообщению «Дейли Кроникль» на заседании Верховного Совета в Канне будет обсуждаться вопрос о возобновлении торговых сношений между союзными державами и Россией. Экспертом по вопросу о торговых сношениях с Россией, приглашается специалист, русский.

Внезапно только один недостаток — отсутствие необходимого иллюстративного материала, выражаясь языком автора, «алгебраичность» изложения.

Но самое ценное, что нам дал Бухарин в «Экономике переходного периода» его анализ состояния производственных сил в первом этапе пролетарской революции, определение роли внеэкономического принуждения в период краха капиталистической системы и установление исторической ограниченности основных категорий политической экономии.

Состояние производительных сил, в период краха капиталистической системы, тов. Бухарин характеризует как процесс расширенного (третичного) воспроизводства. Здесь он прежде всего останавливается на критическом примитивном представлении о захвате власти, какое существовало у многих марксистов

до октябрьской революции в России.

Типичным, говорит он, в этом отношении может служить рассуждение г. Гильфердинга (о котором можно заметить, при всей большой ценности его труда), «Финансовый капитал», написанный им тогда, когда автор умел еще революционно мыслить им тогда и другие ошибки М. Р. о том, что захват шести банков пролетариатом передает в распоряжение последнего всю промышленность. Эмпирически доказано, что ничего подобного не произошло, «б» реально захват банков лишь подрывает командную власть капитала» (стр. 47) и что теперь для нас понятно Ван и утверждают промышленность на основе кредитно-денежных отношений. А эти отношения на не вых шагах революции как раз и разрушаются. Поэтому многими это совершенно упущено из поля зрения.

В действительности же революция есть выражение массовой «организации» дезорганизации всего аппарата. Дезорганизация является «необходимым условием победы нового класса» (стр. 48).

Враг «ана хия», говорит Н. Бухарин, есть таким образом, объективно совещание «анализа» — это разложение процесса, который выражает «бюро» краха старого общества.

Это положение некоторыми товарищами еще опровергается. Но нам кажется, что это теоретическое положение является одним из бесспорнейших новейших завоеваний марксистской мысли.

Если «издержки» промышленных кризисов являются и чем иным, как выражением законов капиталистической экономики, то в еще большей степени и это применимо к «издержкам революции».

Издержки революции, пишет автор, «экономика», будут той ценой, которой человеческое общество купит себе возможность дальнейшего развития.

Дальше, чрезвычайно большую ценность имеет глава: «Внеэкономическое принуждение в переходный период». Маркс этого вопроса в «Капитале» коснулся лишь в самой общей форме: «насилие это экономическая потенция». «Насилие является повивальной бабкой при родах старого общества, когда оно бережно рождает новое».

Бухарин эти положения развивает дальше. Он пишет: «С одной стороны, следовательно, насилие играет роль разрушающего фактора, с другой — оно является силой сплочения, организации строительства. Чем больше по своей величине эта внеэкономическая сила, которая в действительности является «экономической потенцией», тем меньше издержки переходного периода, тем короче этот переходный период» (стр. 139 и 140).

Здесь мы видим теоретическое обоснование — необходимости революционного террора на известный период пролетарской диктатуры. В свете этого марксистского положения все меньше-мало — это эрозия, ламентации об отсутствии «свободы для буржуазии» — оказыва-

ются ни больше ни меньше, как утопическими мечтаниями мелкого буржуа.

Под углом зрения вышеприведенного осмысления Бухарин рассматривает и государственную власть. «Государственная власть, говорит он, является «концентрированным и организованным» «естественным насилием». Вот почему революционная (подчеркнуто автором М. Р.) государственная власть является «государственным рычагом экономического переворота» (стр. 139).

К сожалению такой подход, субъективный для марксиста, навязывается сейчас даже многим видным коммунистами, аргументирующими, обычно, «от объективных условий». В настоящий переходный и чрезвычайно своеобразный период в особенности нужно помнить, что «наши» «сталин», социализм нужно активно строить» (стр. 60).

Тов. Бухарин диалектически подошел не только к эпохе краха капиталистической системы, но и к самым категориям политической экономии. Основными категориями политической экономии являются — товар, стоимость, цена. В период пролетарской диктатуры — они не существуют и в то же время как бы существуют и они существуют, как бы не существуют. Они впадают как-то странно прозрачно — реальное и реально призрачное существует в нас на манер душ усопших (стр. 125). Сейчас эти души усопших начинают оживать. Новая экономическая политика делает их реальными, но она же вновь их делает идеальными.

В странах высокой капиталистической техники, при пролетарской диктатуре призрачность будет, конечно, несравненно больше. Границы значимости — категории — товара, стоимости, цены определены рамками капиталистических отношений.

Тов. Ольминский пытался оспаривать этот вывод, но сейчас, при новой экономической политике, мы особенно наглядно видим их «воображение», в связи с чем для нас теперь виднее и то «умирание», которое наблюдалось в прошлый период, так называемого, «военного» коммунизма.

Газетной статьёй нельзя сколько-нибудь полно изложить все, что дает новая, для марксистской теории книга Бухарина. Но и из сказанного ясно, что без «экономики переходного периода» почти также трудно обойтись при анализе современных мировых экономических отношений как и при изучении эпохи промышленного капитализма нельзя обойтись без «Капитала» Маркса.

Книга Бухарина тем более необходима и ценна в настоящее время, что некоторые товарищи — вместе с политической экономии марксизма, начинают придерживаться политической экономии обывательщины.

М. Рютин.

Доклад т. Ленина.

(На IX Всероссийском Съезде Советов).

(Продолжение).

Товарищи, то, что я сейчас скажу, для вас совершенно понятно и ясно, и вы не могли ожидать иного от всякого, отчитывающегося перед вами в нашей политике. Вы знали, что наша политика такова, и только такова. Но, к сожалению, есть теперь в мире два мира: старый капитализм, который запутался, и мир растущий, новый, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он неизбежен. Старый мир имеет свою старую дипломатию, которая нам не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Он считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть... (Аппл. и смех) Когда представитель этого, в отношении экономического и военном всемогущего мира, когда он нам, — давно уже, прислал одного из представителей американского правительства, Вулита, с предложением, чтобы мы заключили мир с Колчаком и Деникиным, мир для нас самый невыгодный, и когда мы сказали, что мы настолько ценим кровь рабочих и крестьян, что готовы включить мир даже для нас невыгодный, ибо мы уверены, что Колчак и Деникин разложатся изнутри;

когда мы сказали об этом прямо, они решили, что мы непременно должны быть обманщиками. И как только беседовавший с нами добродетельно, за общим столом, Вуллит приехал на родину, его встретили с восторгом, заставили выйти в отставку, и я удивляюсь, как его еще не потащили на торг по империалистическому обычаю за тайное сочувствие большевикам. (Смех, аппл.) Мы предлагали тогда мир, худший для нас, получили же мы его на условиях для нас лучших. Маленький урок. Я знаю, что нам не научиться старой дипломатии, как нам не переделывать себя, но те уроки, которые за это время по части дипломатии были даны нами и были восприняты другими державами, все же не могли совсем бесследно пройти и в памяти кое-кого, наверно, остались. (Смех.) Поэтому и наше прямое заявление, что рабочие и крестьяне России больше всего ценят блага мира, но они «лишь до известного предела потерпели в этом отношении отступление, было принято так, что они ни на секунду, ни на минуту не забыли того, какие тяжести в империалистическую и гра-

жданскую войны они вынесли от наших напоминаний.

Это наше напоминание, которое, я уверен, мы всем съездом, всей массой рабочих и крестьян, всей Россией подтвердим и выразим, безусловно, бесследно не пройдет, и хотя некоторую роль, но все-таки сыграет.

Вот, товарищи, то, что я считаю необходимым сказать по вопросу о нашем международном положении. Достигнуто известное равновесие, оно до известной степени неустойчиво. Материально, в отношении экономического и военного, мы безмерно слабы, а морально, не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая это, как соотношение реальных сил всех классов, по всем государствам, мы сильнее всех. Это так кажется, и это испытано на деле. И то, что этот фактор сказывается даже в неизмеримо более спокойной обстановке, при более крепком и твердом положении, чем было до сих пор наше, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз. Вот почему мы говорим себе: взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать беспрерывно. В то же время, товарищи, будьте на чеку,

берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной армии, как зеницу ока, и помните, что мы не вправе допускать ослабления ни на секунду в отношении наших дорогих рабочих и крестьян, и их завоеваний. (Аппл.)

Товарищи, от этого кратко изложения того, что является самым существенным в нашем международном положении, я перейду к тому как начинают складываться экономические отношения у нас в Западной Европе, в капиталистических государствах. Величайшая трудность тут состояла в том, что без известных взаимоотношений между нами и капиталистическими государствами для нас невозможны упорные экономические отношения. События очень наглядно показывают, что невозможны также и для них. Но мы сейчас не так альтруистически настроены и больше думаем о том, как бы нам при этом враждебном отношении друг к другу иметь возможность существовать. Да мыслится ли такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось немыслимым и в политическом, и в военном отношении. Что это возможно в политическом и в военном отношении, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении? А в отношении экономического оборота? Ну, а связь,

помощь, обмен услуг отсталой, разоренной земледельческой России от передовой, промышленно богатой группы капиталистических держав, а это возможно? Разве нам не грозили тем, что нас окружают колючей проволокой, и что по этому никакие экономические отношения не будут существовать? Войны они не искулились, так мы их возьмем блокадей. Товарищи, много мы за эти 4 года видели угроз, и таких страшных угроз, что ни одной из них бояться не можем, ибо насчет блокады опыт показал, что неизвестно, для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует. Опыт показал, несомненно, что за отчетный год, хотя сношения с нами объявлялись несуществующими (ну, пускай, они по суду буржуазному признаются несуществующими), они все-таки существуют. Вот что я считаю вправе, без малейшего преувеличения, вам доложить, как один из главных результатов отчетного 1921 г.

Не знаю, роздан ли вам сегодня, или будет роздан на днях, отчет Наркоминдела к 9-му съезду Советов. На мой взгляд этот отчет страдает тем недостатком, что он слишком толст, и что его трудно прочитать до конца. Но может быть, это моя личная слабость, и я не сомневаюсь, что хотя и не немедленно, но все же громадное большинство из вас, а также всякий, кто интересуется по-

